

## ИДЕНТИЧНОСТЬ КЫРГЫЗОВ: МЕЖДУ ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ И МОДЕРНИЗМОМ

БЕЙШЕМБАЕВА А.Р.

Восточный университет им. М.Кашагари-Барскани  
УДК: 316.4+316.75

**Аннотация.** Кыргыз коомчулугу шаардыкка айланган сайын жана салттуулуктун негизги базасы болгон айылдын ролу азайган сайын улуттук иденттүүлүк көйгөйү учурдагы шарттарда аман калуунун негизги маселелеринин бири болуп калды. Салт тарабынан көзөмөлдөнбөй калган шаардык жашоонун образы коомдун атомдошуу көйгөйүн оордотуп, натыйжада эң оор таңкыстык – иденттүүлүктүн таңкыстыгын алып келет. Буга байланыштуу жогорудагы көйгөйдү чечүүдө автор бийлик, мамлекеттик аппарат тарабынан активдүү колдоосуна ишенет.

**Аннотация.** По мере того, как кыргызское общество все больше становится городским, а роль села, как основной базы традиционализма, наоборот уменьшается, проблема национальной идентичности становится одной из главных задач выживания в нынешних условиях. Городской образ жизни, который уже не регулируется традицией, не только усугубляет проблему атомизации общества, но и тянет за собой и более глубокий кризис - кризис идентичности. В связи с этим автор надеется в решении этой проблемы на активную поддержку со стороны власти, государственного аппарата.

**Abstract.** As soon as the Kyrgyz society is becoming more and more urban, and the role of the village as the main base of traditionalism, on the contrary decreases, the problem of national identity has become one of the main tasks of survival in the current environment. Urban lifestyle, which is not regulated by tradition, not only makes the problem worse atomization of society, but also pulls a deeper crisis - a crisis of identity. In this regard, the author hopes to solve this problem on the active support from the government, the state apparatus.

**Ключевые слова:** идентичность, этническая идентичность, традиционалистская и модернистская идентичность, деэтнизация, модернизационные ценности.

**Key words:** indentichnost, ethnic identity, traditionalist and modernist identity deetniizatsiya, modernization values.

Кыргызстанское общество переживает сегодня крайне болезненную социальную трансформацию, вызванную переходом от аграрного, традиционного образа жизни к обществу городской культуры. На наших глазах фактически завершается огромный исторический период, начавшийся с момента советской модернизации и окончившийся (условно) в апреле 2010 г. с демонтажем «политического режима». Запаздывающий характер урбанизационного перехода делает этот процесс, в виду его неорганичности, не только болезненным, но конфликтным, что требует особого внимания.

Происходящие сегодня в кыргызстанском обществе кризисные процессы крайне трудно понять и тем более адекватно описать, поскольку они в основном протекают в плоскости социальных трансформаций, а сами изменения носят больше социокультурный, экзистенциальный характер. К примеру, проживающий на селе человек в течение своей жизни постепенно поднимаясь по социальной лестнице, со временем становится директором школы или переселяется из села в райцентр, это никак не затрагивает и не меняет его базовые ценности. Однако совершенно другой характер социальная мобильность приобретает в случае перемещения из села в крупный мегаполис, тем более, если она носит массовый характер. Этот радикальный фазовый переход, связанный с качественными, структурными изменениями общества, зачастую приводит к резкой дезадаптации представителей как «верхних» (элита), так и «нижних» этажей любого социума. Однако сложности переходного состояния, которые носят объективный характер можно достаточно сильно нейтрализовать или смягчить, если у национальной элиты

(которая обычно сама легко усваивает модернизационные ценности) есть желание и главное понимание необходимости назревших перемен.

К сожалению, в настоящий момент элита Кыргызстана явно недооценивает масштаб и глубину происходящих процессов, поскольку социум не просто перестает быть аграрным, но и фактически стоит перед реальной перспективой потери своей национальной идентичности в ближайшем будущем. Дело в том, что модернизационные перемены, которые протекали в советский период как позитивного, так и негативного плана практически не задевали базовых, традиционных структур кыргызского общества. В этом и была главная специфика «консервативной модернизации» СССР. Даже урбанизация коренного населения КиргССР, которая постепенно шла в рамках советского проекта, не подрывала ее идентичности, поскольку само государство выступало некой институциональной формой для всех субъектов советского традиционного общества.

Крайне специфичной была и форма модернизации, которая шла в постсоветский период. Демократичный режим первого президента, затем режим второго, сформировавшийся под давлением политизированной этничности при всех своих недостатках также пытался реформировать сложившуюся в республике систему, не ломая при этом основ кыргызского традиционализма. Используя методы советского этатизма, правящий режим стремился проводить типично консервативные реформы, сохраняя структуры аграрного общества и одновременно опираясь на мощное сельское лобби в процессе государственного управления страной. Однако этот процесс был внутренне противоречивым, поскольку с одной стороны действительно удалось на время смягчить разрушительные последствия либеральных реформ в аграрном секторе. С другой – блокирование социально-экономических перемен на локальном уровне привело в итоге к доминированию архаических форм хозяйствования и фактически ввергло эти территории в разряд депрессивных. Постепенно с деградацией сельского хозяйства сошла на нет и аграрная элита Кыргызстана, во всяком случае естатусно-ролевое положение на селе резко упало; иерархия традиционного общества оказалась сломанной, фактически исчезла в ходе оттока социально активной молодежи и прослойка сельской интеллигенции, то есть то, что с таким трудом было «выращено» за годы советской модернизации.

В настоящее время ситуация в этом вопросе зашла настолько далеко, что даже особые усилия власти реформировать село путем принятия специальных госпрограмм не только не дают положительного результата, но и политизируют и без того социально дезориентированное население сел. Происходит это по причине того, что если стратегия «старой» власти была выстроена в парадигме жесткого этатизма, то новая политика власти исходит в основном из логики экономоцентризма, что также указывает на односторонность, неорганичность модернизационных перемен инициированных сегодня властью в республике. Как показывает практика, зачастую ведет лишь к уничтожению не только «больных», но и «здоровых» структур аграрного традиционализма. Государственная машина, не имея сдерживающих противовесов в виде «гражданского общества», традиционно ведет себя как слон в посудной лавке. Хотя местная власть в этих вопросах должна быть политически гибкой, исходить из стратегически обоснованных глубоко продуманных реформ, а не бросаться из одной крайности в другую. Аграрная реформа требует проведения коренных социальных преобразований, которые могут быть реализованы лишь при целенаправленной социальной политике государства в сельской местности.

Однако экономические реформы на селе сопровождаются разрушением его социального потенциала. Резко снизилась роль государства в развитии социальной сферы, почти прекратилось инвестирование строительства социальных объектов сельскохозяйственными предприятиями в связи с их тяжелым финансовым состоянием. Роль государства не была восполнена соответствующими источниками финансирования через органы МСУ. Всё это сопровождалось резким ухудшением сферы

жизнедеятельности крестьянства. Таким образом, в условиях всеобщего социально-экономического кризиса особенно в плачевном виде оказалась инфраструктура села.

О чем это говорит? О том, что ближайшей перспективе удельный вес сельского населения КР по объективным причинам будет, скорее всего, стремительно уменьшаться. Хорошо это или плохо - покажет время, однако учитывая, что более 50% кыргызов является сельским, это автоматически потянет за собой новую волну урбанизации, а значит, может резко возрасти и уровень конфликтности в региональном сообществе, вновь возникнут все условия для нового витка политизации этничности. Учитывая, что модернистская прослойка в нашем обществе до сих пор крайне незначительна, и, в виду своей малочисленности, не может, как показывает практика, ни смягчить давление архаики, ни модернизировать его культуру, это может привести к активизации самых крайних форм кыргызского традиционализма.

Говоря об этих проблемах нужно иметь в виду, что сама специфика городской жизни порождает принципиально новые вызовы социокультурного плана, игнорирование которых может вызвать в итоге масштабные всплески деструктивной активности как, например, это уже было с «движением за суверенитет» в конце 1980-х годов. Ведь тогда, несмотря на то, что коренное население КиргССР не испытывало явного социально-экономического кризиса, актуализированные кыргызской интеллигенцией проблемы «возрождения родного языка», «повышения политического статуса республики» и др. резко сплотили людей вокруг темы «этничности», став своеобразной защитной реакцией на разрушение институтов советского традиционализма и... очередной волны урбанизации. Что вполне закономерно, поскольку данные процессы напрямую связаны между собой.

Таким образом, по мере того как кыргызское общество все больше будет становиться городским, а роль села, как основной базы традиционализма, наоборот уменьшаться – проблема национальной идентичности станет одной из главных задач выживания в суровых условиях капиталистической действительности. Городской образ жизни, который уже не регулируется традицией, не только усугубит проблему атомизации общества, но потянет за собой и более глубокий кризис - кризис идентичности, то есть потери человеком или социальной общностью ориентации в историческом, политическом или социальном пространстве. Как отмечают современные исследователи, этот кризис характерен именно для демократических (городских) обществ, ее не знают аграрные общества, где проблема социализации жестко регламентируется вековой традицией, традиционными ценностями [Ахиезер, 2001, с. 34].

Когда аналогичные процессы (разрушения этничности) начались у народов Западной Европы, европейская культура сумела ответить на это созданием либеральной концепции буржуазных наций-государств. Суть ее заключалась в подавлении локального этнического национализма и формировании унифицированного гражданского национализма [Вишневицкий, 1998, с. 356].

Нация в данном случае становилась суперэтническим образованием, которое в дальнейшем освободила индивида от этнической, природной ограниченности и приобщила к более сложным национальным ценностям и нормам. Формирование национальной культуры с этого момента стала пониматься как выбор своего исторического пути и специфический способ приобщения к мировым ценностям и достижениям, как вхождение в цивилизационный процесс. По сравнению с этнической культурой национальная культура обладает более развитой, многоуровневой и дифференцированной структурой. В ее состав входят не только традиционно-бытовая, но и профессиональная культура, а наряду с обыденными - специализированные области культуры. Нации представляют собой сложные общности, включающие различные социально-классовые, социально-профессиональные, социально-демографические группы, образующие соответствующие субкультуры [Хрох, 2002, с.124].

Мощь и сила притяжения этничности такова, что в кризисных условиях именно эта форма идентичности становится наиболее эффективным механизмом политической мобилизации. Однако опасность в том, что она потенциально содержит в себе противоречие - на крайних полюсах этничность легко доходит от шовинизма (как идеология этнической исключительности), до открытого сепаратизма (в условиях ослабления Центра). Положительным полюсом этнического национализма является здоровый патриотизм, на который в свою очередь опирается идейный традиционализм. Таким образом, и традиционализм, и крайний национализм (шовинизм), прямо противоположны друг к другу, хотя это, в сущности, лишь разные полюсы единого феномена.

По мере того как в ходе урбанизации (шире - модернизации) естественный традиционализм и институты связанные с ним постепенно разрушаются, общество становится бесструктурным, соответственно как ответная реакция на эти болезненные явления общество отвечает ростом фундаменталистских и ультранационалистических настроений. Проблема современной Европы, с массовыми выступлениями антиглобалистов, леворадикалов, нацистов и др. – это проблема именно разрушенного традиционного общества, на обломках которой маргинальные субкультуры пытаются соединиться через толпу в некие сообщества, на основе солидарных связей. Эти же причины создали условия для возникновения немецкого фашизма, современного украинского неонацизма, в целом характерны для многих постсоветских государств, чьи народы сегодня переживают схожий социокультурный кризис, вызванный варварским разрушением институтов советского традиционализма.

Рассмотрим теперь данную проблему в контексте развития современного кыргызского общества. Как уже указывалось выше, одной специфических черт режима второго Президента КР было то, что эта система сформировалась под давлением политизированной этничности, однако попытка квалифицировать ушедший режим как этнократию является грубой ошибкой. Несмотря на то, что он действительно содержал в себе установку на этнократию, тем не менее, его основной базой всегда был аграрный традиционализм.

Однако в этом вопросе гораздо важнее понять, что в ходе огосударствления этничности, которая шла на протяжении 20 лет (1990-2010 гг.) политическая система Кыргызстана постепенно стала своеобразным каркасом, собирающим и структурирующим кыргызское общество. Соответственно, как только произошел его демонтаж в 2010 г. эти механизмы были разрушены, а само традиционное общество пришло в хаотическое, «броуновское движение». Как болезненная реакция на этот процесс сразу же возникла нездоровая политическая активность среди национальных организаций. В кыргызстанском обществе наблюдается заметный рост фундаменталистских (исламских) религиозных настроений; среди кыргызской молодёжи усилились хоть и малочисленные, но радиально настроенные националистические организации. И эти процессы со временем будут, скорее всего, только нарастать. Что неудивительно поскольку, таким образом, кыргызское «традиционное общество» пытается адаптироваться к резким социальным и политическим переменам.

Многие проблемы, с которыми столкнулось сегодня кыргызское общество, являются прямым следствием процессов протекавших в 1990-2010 гг. К примеру, привыкшее жить под патерналистским «зонтиком» государства, основная масса его представителей отвергало любые необходимые перемены, хотя они постепенно вызревали внутри общества. В этом желании ей всячески потакала правящая элита, сама состоящая в основном из представителей аграрного лобби. В итоге все закончилось не только болезненным демонтажем режима, но и резкой модернизацией «сверху».

В результате в настоящий момент, даже не имея мощной поддержки со стороны региональной элиты, позиции новой власти можно считать вполне устойчивыми, во

всяком случае, те усилия, которые сегодня предпринимает «старая» элита для возвращения своего утраченного статуса пока не приносят ей нужного результата.

Казалось бы, это лишь вопросы внутриэлитных политических разборок и они напрямую не касаются поднятой нами проблемы. Однако главное просторечие этой ситуации в том, что инициированные главой государства реформы идут вне рамок «консервативной модернизации» и фактически без активного участия основной массы кыргызстанской элиты, которая могла бы в других условиях не только усилить этот процесс, но и смягчить его тяжелые последствия для носителей сельского менталитета. Однако вместо того, чтобы консолидироваться перед новыми вызовами, она сегодня погрузилась в глубокую череду перманентных расколов одним из отражений которого являются, например, постоянные скандалы в ЖогоркуКенеше КР. Хотя ситуация с ним вполне объяснимая: нежелание старшего поколения постепенно дать дорогу молодым, то есть собственно проблема модернизации, привела к тому что там к настоящему времени практически не осталось активистов 30 и даже 40 лет. С культурологической точки зрения невозможность модернизации систем такого типа как раз и означает полное торжество архаики, поскольку последняя в отличие от традиции не поддаётся конструктивным изменениям [Буранчин, 2011, с. 45]. Такое положение сложилось в исторической науке, в структурах Национальной академии наук КР, литературе, и в других сферах.

В результате такого развития дел это не только спровоцировало острый конфликт между старшим и молодым поколениями, но и привело к тому, что нынешняя молодёжь «ушла» сегодня в различные Интернет сообщества, спорт, бизнес и т.д., то есть практически не проявляет себя в общественно-политической сфере. И это не совсем нормально, поскольку для формирования устойчивой национальной идентичности, нужна субъектность основанная на общей политической и исторической мифологии, на коллективном действии.

На фоне постепенного ухода социально активной интеллигенции, которая объективно многое сделала в эпоху «парада суверенитета» для своего народа, отсутствие даже слабых признаков формирования новой элиты является тревожным сигналом, поскольку вакуум, который скоро возникнет с уходом «стариков» нечем будет заполнить. Сегодня существуют разрозненные элементы, из которых могла бы сложиться новая, молодая интеллигенция Кыргызстана, но они пока никак не могут соединиться в единую политическую субъектность. Таким образом, на кыргызское общество надвигается социокультурная катастрофа, масштабы и последствия которой еще только предстоит понять.

Вопросы, связанные с модернизацией нельзя игнорировать, что нужно наконец-то понять элите, поскольку, в конечном счете, реформирование все равно происходит, но только через болезненный слом и не всегда дает положительные результаты. К примеру, если проанализировать конфликты, которые возникли в течение последних четырех лет, то во всех случаях можно выделить одну и ту же закономерность. Вначале обвинения в отсталости, несовременности, разговоры о необходимости менять работу организации и т.д. Второй этап – понимание, что изменений не будет, явная стагнация. Третий этап – приходит новый руководитель, начинает революционными методами ломать все подряд, в том числе и то, что нарабатывалось годами. В итоге вместо реформирования структуры – окончательное разложение организации.

Говорит ли все это о том, что кыргызстанское общество обречено каждый раз решать проблему модернизации только через резкие сломы, расколы, разрушения? По всей видимости, оно обречено на данном этапе своего развития пережить полосу тяжелых внутренних расколов и противостояний, прежде чем элита не осознает, что, только научившись договариваться на основе общенациональной консолидации можно будет выйти на уровень органичного решения модернизациях проблем народа. Пока же в этом направлении позитивных изменений нет.

Влияние традиции на кыргызское общество настолько велико, что институты, связанные с ним практически невозможно модернизировать. На наш взгляд, это говорит о том, что лучше всего в этих условиях не стремиться к их реформированию, порождая тем самым жесткое противостояние между «старым» и «новым», а пытаться, где это, возможно, создавать новые структуры, освобождаясь тем самым от груза архаики.

Резкий фазовый переход вызванный урбанизацией, одновременно разрушение этничности и прежних традиционных структур закономерно ведет деэтнизации основной массы народа. Можно сказать, что этот процесс носит объективный характер, поскольку в ходе освоения сложного городского пространства, с его динамикой и ритмом жизни, происходит изменение аксиологических ориентаций городского человека. Инструментальные ценности выталкивают ценности этнические на периферию человеческого бытия, начинают мешать осваивать новый для него и сложный мир. Одним из первых жертв данной трансформации становится родной язык. Что хорошо видно на примере кыргызов-горожан второго и третьего поколения, в том числе и детей видных представителей кыргызской интеллигенции, в массе своей не знающих родного языка, но еще и бравирующих этим незнанием. Поскольку кыргызский язык в их представлении ассоциируется с деревней, отсталостью, архаикой. Поэтому достаточно часто можно услышать от городских *киргизов*: «А зачем нужен кыргызский язык? какая от него польза? пусть лучше ребёнок изучает английский, он в жизни больше пригодится...». Это как раз говорит о том, что утилитарные и инструментальные ценности уже вытеснили и стерли этнические маркеры у новых горожан.

Однако проблему потери позиций кыргызского языка можно нейтрализовать, если жестко следовать Закону о Государственном языке, принятому 25 лет назад. Вряд ли это решит проблему коренным образом, тем не менее, это один из наиболее эффективных механизмов защиты созданный европейскими государствами в процессе нациестроительства. Пока же кыргызский язык не является престижным даже для представителей молодой элиты (тем, кому не более 45 лет).

На сегодняшний день городских кыргызов можно отнести к модернизированной прослойке занимающей «верхние» и «средние» этажи кыргызстанского общества. Их также по социокультурным характеристикам можно поделить на две группы. Первая - это те, кто сделал свою карьеру, поднялся вверх по социальной лестнице, используя в основном этнические привилегии. Во вторую группу входят те, кто в ходе своей жизнедеятельности стал специалистом в своем деле, полностью реализовался как личность. К сожалению, многие представители этой группы нигилистически относятся к культуре своего народа, считают ее отсталой, архаичной, а в большинстве - просто безразличны к его проблемам. Это указывает на то, что их «современность» носит неполноценный, незрелый характер, поскольку они, в отличие, скажем, от продвинутых европейцев не воспринимают родной язык, этнокультуру как ценность. Органичность европейской модели модернизации в том и заключалась, что там, в ходе глубинных социальных трансформаций, не произошло резкого разрыва с традицией, а модернизационные ценности плавно переварили ценности этнические, традиционные [Костюк]. Фактически таким же образом произошел этот переход и в японском обществе, где традиционная система ценностей стала основой незападной формы модернизации.

Сегодня нужен плавный, но радикальный поворот в национальной культуре, политической и духовной сфере. Кыргызстанская элита обязана проделать работу, направленную на унификацию культуры с помощью внедрения общих стандартов идентичности. Особая роль в этом процессе принадлежит средствам массовой информации, формирующими общественное мнение, коллективные вкусовые предпочтения, стереотипы поведения, моду, модели образа жизни и ценности. Ошибочно искусственно поддерживать только сельскую кыргызскую культуру, когда общество давно перестало быть аграрным.

В заключении хотелось бы сказать о следующем. Завершить, начавший еще в советский период, процесс нациестроительства невозможно без активной поддержки со стороны власти, государственного аппарата. Поэтому кыргызской элите необходимо предпринять всевозможные усилия по политической консолидации.

Сегодня нужно четкое понимание того, что вопросы сохранения родного языка, традиций, формирования новой городской культуры, развития национальных СМИ, науки, литературы, киноискусства др. это не локальные проблемы, которые вдруг возникли на данном этапе истории, а единая комплексная задача, решить которую можно только политическими методами в общенациональном масштабе. В противном случае очень скоро негативные процессы примут системный, необратимый характер и сделают реальной угрозой окончательного «рассыпания» кыргызского общества.

**Литература:**

1. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. №2.
2. Буранчин А.М. Традиционное общество и модернизация: теоретико-методологический аспект // *Перспективы модернизации традиционного общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Уфа: Гилем, 2011.
3. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
4. Костюк К.Н. Архаика и модернизм в российской культуре. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html>.
5. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002.